

В.Н.Дахин,
доктор исторических наук.
Институт мировой экономики
и международных отношений РАН

Политические аспекты трансформации социальной сферы в России

Шесть лет посткоммунистического развития России в целом показали, что страна, вернее, большая часть политической элиты (правящей и оппозиционной) сделала свой окончательный выбор в определении направления развития. Это означает, что серьезной альтернативы складывающейся социально-политической и экономической системе практически не существует. Следовательно, встает вопрос о том, насколько она прочна и почему не может преодолеть структурный кризис, который частично унаследован Россией у СССР, частично является следствием распада Советского Союза, а частично — результатом "революционно-романтических" реформ первых посткоммунистических лет.

Если не существует альтернативы утвердившемуся общему направлению развития, то почему попытки преодоления кризиса приобретают характер дилеммы и не используется вариантность, которая всегда присутствует в рамках общего направления. Если мы признаем отсутствие вариантности развития, то должны констатировать, что строим общество без будущего — об этом свидетельствует 70-летний опыт строительства социализма. Хотя надо признать, что и в строительстве общества нового типа присутствовало несколько объективных вариантов, которые не могла принять сложившаяся политическая система. Подмена вариантов дилеммами в конечном счете и завела советскую систему в исторический тупик.

Я исхожу из того, что вариантность развития России существует, и это означает, что страна прошла только первую точку бифуркации. Однако вариантность предусматривает серьезные изменения в правящей элите (ротацию власти), и поэтому аргументом объявляется ею как альтернатива, мыслимая в старой системе координат — как восстановление старых порядков. Поэтому для доказательства возможной вариантности развития нужен анализ складывающейся системы по ряду основных параметров. Бегло изложу его результаты.

Политическая система — в среднесрочной перспективе очевидна тенденция к формированию президентской республики. Дискуссия вокруг действующей Конституции РФ показывает практи-

ческое единодушие в этом вопросе — установление парламентской республики, скорее, следует отнести к долгосрочной перспективе (т.е. к политической альтернативе). Следовательно, налицо явная вариантность политического развития;

Экономическая система — ситуация стагфляционного или экономического тупика, для которой характерны усиление деиндустриализации и колониальный тип экономики (преимущественно сырьевой и финансово-спекулятивный характер формирующейся компрадорской буржуазии), создает широкий фон для вариантов экономического развития;

Новая государственность — процессы ее формирования вообще не завершены: основная тенденция — "асимметричная федерация" с сильными конфедеративными чертами вряд ли перспективна, она отвечает интересам достаточно узкой политической и финансово-экономической прослойки. Поэтому можно предположить, что, кроме вариантности (перехода к федерации обычного типа), существует и реальная перспектива распада России (альтернатива);

Правовое государство — эта проблема тесно связана с вариантностью развития в трех указанных выше сферах. По замечанию Т.И.Заславской, население России получило права, которые невосстребованы большей частью населения, и потеряло права, которые имело. Прежде всего это относится к социальной сфере, по нашему мнению, вообще оставшейся за рамками посткоммунистических преобразований в России;

Социальное государство. Мы не случайно поставили этот параметр развития последним, так как он является основой развития всех остальных параметров, и от состояния в социальной сфере будет зависеть и вариантность развития, и вызревание новой альтернативы. Выведение социального фактора за рамки экономических и политических преобразований, отсутствие тенденции к строительству социального государства не случайно. Дело в том, что разрушение старой социальной системы явилось (и, к сожалению, до сих пор является) источником реформирования (кроме раздела и передела госсобственности). Отсутствие социальной политики (хотя деструктивные действия в этой сфере тоже можно назвать политикой) — наиболее уязвимый фактор выбора России.

Социальные процессы в общественной сфере жизни общества развиваются под воздействием многих факторов — экономических, политических, культурно-исторических и т.п. Однако сама социальная сфера является основой для утверждения и стабильности политической, экономической и других подсистем. Поэтому можно говорить одновременно и о стихийности, и об управляемости социальных процессов. Но изучение социальной истории челове-

ства говорит о том, что стихийность развития социальных процессов была характерна для периодов становления новых общественных систем. Со становлением современных общественных систем возникает и понимание того, что их стабильность несовместима со стихийным характером развития социальных отношений, т.е. в них начинает вводиться элемент управляемости¹.

Кроме того, сама социальная сфера способна к саморегулируемости, обычно проявляющейся в гражданском обществе. Появление и утверждение современных общественных систем порождает еще две формы управления социальными процессами: социальную политику государства и социальную политику частнопредпринимательской сферы деятельности.

Понимание необходимости активной роли государства в управлении социальными процессами происходит не сразу, но это управление достаточно быстро достигает в некоторых странах своих высших форм — социальной инженерии. Утверждается категория социальной безопасности современного государства, активно формируются и развиваются в зависимости от национально-исторической специфики механизмы прямого или косвенного управления социальными процессами как составная часть регулирования социальной сферы современного общества.

Таким образом, практически одновременно с формированием современного государства начинает создаваться социальная сфера как объект целенаправленного воздействия трех субъектов: государства, гражданского общества и частного бизнеса. Эти три компонента и составляют современную социальную политику. В зависимости от времени, национально-исторических особенностей и традиций акцент делался на каком-либо из этих компонентов социальной политики. Поэтому когда мы говорим о кризисах социальной политики, то, скорее всего, речь идет о кризисах его преобладающего в данный момент компонента. Ведь ни в коем случае нельзя говорить о гармоничности этих компонентов. Во многих случаях преобладание того или иного компонента являлось (или является) своеобразной компенсацией отсутствия или недостаточности других компонентов.

В отдельных странах государство предпочитало вручать "контролируемые полномочия" в социальной сфере субъектам гражданского общества (например, в Италии — католической церкви). Вообще, компонент социальной политики, содержащийся в функционировании гражданского общества, традиционно силен и значи-

---

¹ Понимание того, что социальными процессами нужно управлять, возникло очень давно. Но долгое время под управлением понималась консервация социальных отношений. Механизм управления зависел от типа общества, но в основном носил характер внеэкономического принуждения.

телен даже сейчас, когда государство и частный бизнес вытеснили его из многих направлений этой политики. Социальная самоорганизация общества делает его важнейшим фактором социальной политики. И если раньше она проявлялась в благотворительности (которая на определенном этапе заменяла или подменяла почти всю социальную политику), то в дальнейшем, благодаря социальной солидарности, начали создаваться группы давления, становящиеся важнейшим фактором развития социальной политики государства и частного сектора. В тех странах, где государство в силу своей "природы" предпочитало не вмешиваться в социальную сферу, быстрыми темпами шло формирование социальной политики частного предпринимательства на основе развития социальной ответственности бизнеса.

Однако каждый компонент общей политики в социальной сфере имеет свои "физические пределы". Размах социальной деятельности гражданского общества напрямую зависит от уровня благосостояния общества, степени его самоорганизации и т.д. Во всяком случае, заменить социальную политику в целом оно способно лишь на некоторое время и на определенном этапе. И дело не только и не столько в отсутствии материальных средств — структуры гражданского общества способны аккумулировать и перераспределять общественные средства, сопоставимые со статьями государственного бюджета. Дело в том, что на определенном этапе объекты социальной деятельности гражданского общества психологически перестают воспринимать благотворительность как форму удовлетворения своих социальных прав.

Социальная политика частного сектора также имеет свои физические пределы: сопоставимость "цены"¹ за социальный мир с эффективностью и прибыльностью предприятия. Государство в своей социальной деятельности лимитировано объемом перераспределяемых средств. Основным источником их пополнения являются налоги — обоюдоострое оружие: их повышение даже на благие социальные нужды способно вызвать недовольство работающих, стагнацию производства, бегство капиталов и т.д. Другое дело, что государство имеет более широкий инструментарий реализации социальной политики, проводимой в любой форме — прямой или косвенной.

Помимо перераспределения средств как основного инструмента своей социальной политики, современное государство через законодательную деятельность имеет возможность стимулировать социальную активность как гражданского общества, так и частного

---

¹ Эта "цена" может быть прямой (непосредственная социальная деятельность бизнеса) и косвенной (материальный вклад в социальную политику государства и гражданского общества).

предпринимательства. Так, во многих случаях государство способствует развитию социальной деятельности гражданского общества создавая благоприятные условия для функционирования его структур, поощряя их социальную деятельность, фактически превращая их в социальную инфраструктуру государственного аппарата. Эта деятельность государства регулирует общественную социальную политику, которая и становится иногда базовой (как, например, в США)¹.

Государство берет на себя роль организатора и координатора социальной политики бизнеса, превращая ее из частной в общенациональную. Так, политика социального партнерства, ставшая базовым элементом социального государства в ФРГ, является не только и не столько результатом высокой социальной ответственности немецкой буржуазии, сколько результатом целенаправленной деятельности немецкого государства, имеющего богатые традиции социального регулирования, восходящие к "государственному социализму" Бисмарка.

Кроме того, государство включает в деятельность, связанную с социальной политикой самих ее объектов, т.е. социальные группы и институты, поощряя неформальную и формальную социальную деятельность отдельных лиц и их организаций, и напрямую стимулирует социальные институты напрямую к социальной политике через различные трехсторонние механизмы.

Такой механизм формирования социальной политики привел к созданию нескольких ее типов (моделей), в зависимости от национально-исторической и культурной специфики различных стран. Отметим, что практически во всех случаях инициатива принадлежала государству, действовавшему под давлением "социального лобби", — будь то частный бизнес, организации гражданского общества или солидарные группы наемных работников и их организации. Конечной целью было достижение социальной стабильности в обществе (т.е. то, что ныне получило название "социальной безопасности") — фактическое создание социального государства, или "государства всеобщего благосостояния".

Этот процесс не был ни линейным, ни равномерным. Начало его следует отнести ко второй половине XIX — началу XX вв. Однако на первом этапе строительства социального государства нужно выделить "государственный капитализм" Бисмарка, опередивший свое время и создавший модель регулирования и управления социальными процессами, востребованную государством все-

---

¹ Регулирование социальной деятельности гражданского общества со стороны государства может проявляться и в поощрении превращения ассоциаций и организаций в фонды, которыми легче управлять, так как они попадают уже под другую сферу регулирования.

общего благосостояния многих стран уже после Второй мировой войны. Уже тогда проявились различные подходы, которые позволили нам говорить о нескольких моделях социального государства¹, различающихся сравнительной значимостью и ролью отдельных субъектов:

государство, гражданское общество — частный бизнес;
государство—частный бизнес, гражданское общество;
государство—гражданское общество, частный бизнес;
государство, частный бизнес, гражданское общество.

Последняя модель равноправия и равноучастия всех компонентов в осуществлении социальной политики, — скорее, идеальное построение. Реальные национальные модели основываются на трех первых схемах, в которых ведущую роль играет связка двух компонентов, а государство может быть главным регулятором их социальной деятельности. Поэтому, когда мы говорим о кризисе социального государства или государства всеобщего благосостояния, то, скорее, речь идет о том, что ведущая связка перестает (или уже не может) играть ведущую роль. В этом случае начинается процесс "перераспределения обязанностей", а не разрушение социального государства как такового. Последний принцип остается нерушим, более того он ныне распространяется и на наднациональные объединения. Так, декларируется, что Европейский Союз "должен быть адекватным демократическим, федеративным и социальным принципам и требованиям правового государства"².

Как показывает практика, толчком к развитию или перестройке структур социального государства является нарушение социальной стабильности в любой форме: социальный кризис (Франция — "красный май" 1968 г., Италия — "горячая осень" 1969 г.), стагнация экономики ("рейганизм" и "тэтчеризм"), периоды восстановления и реконструкции разрушенного войной народного хозяйства (почти все страны после Второй мировой войны). Последние два момента в строительстве социального государства важны для нас практически: социальная база любых реформ и перестройки (в том числе и при переходе к иной парадигме развития — Италия, Германия, Япония, относительно недавно — Южная Корея) должна быть стабильной. Ведь, кроме разрушенных социальных отношений, социопатогенны любые реформы. Именно поэтому процесс восстановления социальной стабильности должен либо

¹ Это различие проявлялось даже в акцентах двух базовых категорий социальной политики: "социальная безопасность" и "социальное обеспечение". Именно эти акценты определяют специфику национальных моделей.

² Европейский Союз. Мюнхен, 1997. С. 45. Интересен еще один момент: социальные принципы и требования проистекают из природы правового государства, т.е. понятия социальное государство и государство правовое тождественны.

опережать, либо идти параллельно с восстановлением или перестройкой народного хозяйства и политической системы. И так происходило на практике.

При этом именно государство следило за тем, чтобы социальные тяготы реформ или восстановления экономики были распространены относительно поровну среди всех социальных групп, чтобы каждая группа имела четкую и реальную социальную перспективу и понимала ее связь с реформами. Таким образом удавалось добиться социальной стабильности в наиболее острые и болезненные периоды перестройки. Мы имеем в виду конец 40-х годов, когда трехсторонние соглашения государства, профсоюзов и предпринимателей (Италия и Франция — "План труда") обеспечили социальную стабильность и послевоенные реконструкции оказывались прологом к периодам ускоренного развития ("экономическое чудо" разных стран). Там же, где реформы социально не компенсировались, ускоренное экономическое развитие наталкивалось на социальные барьеры. Такие реформы создавали предпосылки социального кризиса, делавшего экономические успехи весьма непрочными.

Социальная политика современного государства, в начале 70-х годов приведшая к становлению государства всеобщего благосостояния или "ассистенциального государства" (Италия), складывалась во многом под давлением "советского примера". Регулирование и управление социальными процессами и отношениями в социалистических странах достигли предела огосударствления, социальная политика приобрела явно выраженные черты социальной инженерии. Социальная защищенность советского человека была предельно высокой (оставим в стороне уровень и качество этой защищенности). Социальная сфера формально также была трехсекторной: государственная, квазиобщественная (профсоюзы) и социальная политика экономических субъектов (предприятий). Другое дело — неестественный партийно-идеологический контроль и жесточайшая централизация¹. Но все равно, видимо, следует отметить, что по объему социальных прав советский гражданин превосходил гражданина любого государства всеобщего благосостояния.

Именно это сделало социальную сферу источником финансирования радикальных экспериментов. Можно с определенной долей уверенности сказать, что в начале и в ходе реформ социальный фактор не учитывался вообще, а социальная сфера (как совокупность институтов и отношений) рассматривалась как рудимент

---

¹ Эта централизация и явилась одним из источников накопления противоречий в социальной сфере. Это уже потом, когда социальная сфера стала первой жертвой реформ, одним из источников финансирования радикальных экспериментов, заговорили о ее неэффективности, кризисе и т.д.

тоталитарного государства, подлежащий разрушению. О необходимости ее реформирования заговорили совсем недавно, да и то больше в плане необходимости переложить на плечи населения материальные затраты на социальную политику. Сказывается мифологизация воздействия силы рынка на регулирование социальных отношений, а формирование активной социальной политики откладывается до преодоления кризиса.

Именно этот подход вызвал не социальную структурализацию, а распад социальной ткани тоталитарного общества, его резкую поляризацию и формирование "двух наций" (если говорить словами Дизраэли). Радикальными экономическими экспериментами фактически была сметена только наметившаяся в советское время социальная структура, в целом соответствующая нормализованной структуре современного общества. Сейчас часть социологов начинает говорить о начале социальной структурализации, имея в виду формирование небольших солидарных социальных групп. Конечно, процесс этот начался, но он охватывает слишком узкую часть населения, чтобы были основания говорить о завершении периода распада социальной ткани. А некоторые экономисты (Л.Пияшева) говорят о том, что намеченная правительством экономическая программа есть не что иное, как "бомжевизация всей страны". Это, конечно, несколько преувеличенная оценка социального будущего, но она точно отражает понимание элитой социальной сферы как сферы второстепенной, взгляд на нее как на источник финансирования текущей и перспективной экономической политики.

Однако социальная сфера не может находиться в состоянии перманентного распада. Начинается процесс, который один российский социолог назвал "самоорганизацией общества в преступных формах". "По сути Конституция должна быть отражением процесса самоорганизации общества, рационализацией, его. Если Конституция превращается в филькину грамоту, теряет свой авторитет... граждане начинают объединяться на иных принципах, прежде всего клановых. В этих случаях развивается не гражданская нация (в западном смысле этого слова), а конгломерат мелких сообществ, которые на место общего закона ставят или групповые нормы, или локальный авторитет какого-либо лидера, или то и другое вместе. И хотя большинство таких групп исходно не криминальны, они неизбежно постепенно втягиваются в уголовную систему отношений, поскольку агрессивные и насильственные сообщества вынуждают остальных действовать по их правилам, хотя бы в интересах самообороны"¹. Это первая особенность развития социальных процессов в России, имеющая непосредственно политические последствия.

---

¹ Итоги 1997 № 5. С 25.

Вторая особенность заключается в ином. Распад капиталистического общества на "две нации" сопровождался формированием антагонистических социальных групп, столкновение которых нарушало социальную стабильность, грозило разрушением не только социально-экономического, но и политического порядков. Под давлением этих антагонизмов и вызванных ими социальных столкновений началось формирование социальной политики, призванной обеспечить социальную стабильность. А экономическое и политическое развитие превращало "две нации" в широкий спектр взаимосвязанных социальных групп. Эволюция социальной структуры капиталистического общества была долгой и интересной: от формирования широких слоев, связанных социальной солидарностью, до корпоративных и узкопрофессиональных групп, уже не антагонистичных по природе и месту в общественной и экономической жизни.

В современной России распад социальной ткани и образование "двух наций" не привел ни к накоплению социально-классовых противоречий, ни к социальным выступлениям на их основе, хотя объективных предпосылок больше чем достаточно. На мой взгляд, такое положение зависит от двух причин. Во-первых, утрачено чувство социальной солидарности за десятилетия социально-защищенной жизни (мы не будем останавливаться на этом подробно, ибо проблема требует отдельного анализа). Во-вторых, пока еще одна нация не видит в другой социального антагониста — образы социального противника и возможного партнера размыты и неконкретны (они, скорее, персонифицированы и мифологизированы).

Все вышесказанное влечет: во-первых, отсутствие массовых социальных выступлений, пассивность профсоюзов, не способных даже ясно сформулировать требования тех сил, которые они представляют. Кроме того, "разгосударствление" профсоюзов вызвало их дробление, а политическая ангажированность некоторых организаций на первых этапах структурного кризиса только усилила дезориентацию широких масс, довершенную "бомжевизацией" всей страны, во-вторых, разрозненные социальные выступления носят стихийный, неуправляемый характер и проходят либо под предельно узкими лозунгами, либо (на их базе) под глобально-политическими (что, кстати, отражает неконкретность социального антагониста); в-третьих, конечно, такие выступления не могут представлять собой серьезного "социального лобби".

Не могут стать таковыми и сами работники социальной сферы, потому что они оказались перед нелегким выбором: либо идти по пути "коммерциализации" и таким образом предать интересы тех, кого они по профессиональному долгу должны защищать, либо просто искать возможности физического выживания. Нужно сказать, что в

этой ситуации большая часть социальных работников продолжает исполнять свой долг, но серьезной силой, способной стать фактором изменения социальной политики, они стать не могут.

Таким образом, на достаточно обозримую перспективу правящая группа практически получает свободу действий, не опасаясь социального протеста или противодействия. Ведь существует и мощный фактор воздействия на те категории, которые готовы к социальным выступлениям¹ в определенной степени процесс деиндустриализации маскирует скрытую безработицу (невыплаты зарплаты — частичный показатель этого явления), ее в любой момент можно перевести в открытую, а страх потери рабочего места служит фактором, сдерживающим социальные действия.

Процессы социальной деградации хорошо иллюстрируются результатами социологических опросов. Так, всероссийский опрос, проведенный в конце 1997 г. РНИС и НИ, показал, что 75% населения оценили 1997 г. как плохой для себя, а 85% — как плохой и для страны в целом¹. С моей точки зрения, и последнюю оценку можно рассматривать в качестве социального показателя — ведь в сознании основной части населения положение страны преломляется через индивидуальные проблемы. В этом опросе имеется еще одна важная деталь: 1% россиян отнесли себя к "высшему классу", 42 — к "среднему", 35 — к "низшему", а 22% россиян затруднились причислить себя к какому-либо классу. Самооценка респондентов явно не отвечает объективному положению опрашиваемых групп. Как верно отмечает М.Горшков: "Имеет место, скорее, стремление человека соотнести себя с окружающими людьми, условиями их жизни, причислить себя к определенной статусной нише в обществе"². Последнее замечание автора точнее всего отражает преобладающую социальную тенденцию: стремление "атомизированного" уже постсоветского человека причислить себя безо всяких на то оснований к почетному "среднему классу". А у каких же социальных групп острее всего ощущается потребность "быть кем-то"? Ответ предельно прост: именно теряющие (или уже потерявшие) свой социальный статус группы населения, маргинализирующиеся по объективным показателям, острее всего чувствуют потребность быть кем-то, т.е. быть причисленными, хотя бы по самооценке, к какой-нибудь солидарной социальной группе.

Итак, какая же социальная ситуация сложилась в современной России? Продолжается и, по прогнозам ряда экономистов, ускоряется процесс социального распада, вызванный основными направлениями заявленной экономической политики. Ни о каком регулировании социальных отношений и процессов речи нет. Правитель-

¹ Независимая газета. 1998. 16 янв.

² Там же.

ство по-прежнему рассматривает социальную сферу как источник финансирования своих действий. Социальной политики бизнеса не существует в силу исторического характера российского предпринимательства, повторяющего компрадорские черты своих предшественников. Гражданское общество не может стать элементом социальной политики, поскольку находится в зачаточном состоянии (в нем, как минимум необходимы два компонента: субъект и объект социальной деятельности). Если же общество в целом состоит из объектов, оно не может стать фактором и актором социальной политики.

Однако если маргинальная масса не становится объектом социальной политики, то она превращается в своеобразного субъекта политики. Т.И.Заславская в свое время отмечала, что маргиналы не являются самостоятельным субъектом политики, но, в силу их потребности быть кем-то, им легко навязать любые политические взгляды. Понимая эту опасность, правящие группы развитых стран стараются не допустить накопления опасной политической массы. Часть из них уже прошла через печальный исторический опыт использования десоциализированной части населения в политических целях (Италия, Германия, Франция). В период расцвета классического типа государства всеобщего благосостояния в социальной политике утвердилась тенденция содержания маргинализованной части населения за счет остального общества — ассистенциальное государство¹. Но это привело лишь к тому, что в определении маргинализма преобладающую роль стало играть не материальное, а асоциальное положение. Поскольку само явление не исчезло, и опасность от его существования оставалась, началась перестройка социальной политики и создание государства всеобщего благосостояния нового типа. Социальная политика ориентировалась теперь на социализацию маргиналов через занятость в сфере гражданского общества, искусственное поддержание и расширение занятости через сокращение рабочего времени, деление рабочих мест и прочие меры.

В современной России при отсутствии социальной политики также складываются компенсационные механизмы, смягчающие последствия маргинализации и предотвращающие массовые выступления. Один мы уже упоминали выше — это "самоорганизация общества в преступных формах". Вторым механизмом, обеспечивающим относительную устойчивость нынешней социальной системы, являются теневая экономика и подсобные хозяйства населения, дающие одной части населения возможность выжить, а другой —

---

¹ Расширилась и сама категория маргиналов — к традиционным группам "пролетариев" прибавились "новые маргиналы" — так называемый "третий возраст" — молодежь, женщины, жители депрессивных районов, иммигранты и мигранты

даже возможность причислить себя к "среднему классу". Однако это эфемерные, временные и неустойчивые механизмы поддержания относительной социальной стабильности. Теневая экономика неизбежно начнет уменьшаться в масштабах при первых же признаках экономической стабилизации. Кроме того, попытки правительства справиться хотя бы с текущими обязательствами, прибегая к внеэкономическим методам, например выбивание налогов, приведут к сужению сфер функционирования теневиков (прежде всего массовой их части) и переводу в естественное маргинальное состояние.

Политологи и социологи, занимающиеся различными аспектами маргинализации, отмечают, что этот социальный слой (или группы), помимо острейшей потребности быть кем-то и определенной потери социального статуса, — еще одна черта, податливость любому внешнему влиянию, обещающему ему четкий социальный статус. На это обычно и направлена пропаганда тех сил, которые стремятся использовать маргинальные слои в своих политических целях. Примерно так происходило становление тоталитарных режимов: когда либеральная правящая элита теряла контроль над социальными процессами в сложные периоды потрясений (в результате войн, структурных кризисов и т.д.), радикалы апеллировали к тем, кто в данный момент оказывался ненужным обществу. Действовали они предельно примитивно: объявляли маргиналов ведущей социально-политической силой, т.е. обещали немедленное изменение статуса нации, общества, партии и т.д. И маргинальная масса, уже готовая к восприятию любой политической идеи, с восторгом идентифицировала себя с тем местом и ролью, которые ей предлагали.

Возможен и несколько иной вариант: внушив маргиналам определенные идеи, использовать их время от времени для удержания власти. Для этого нужно дать им образ "врага", одновременно внушив этим социальным группам мысль о собственном превосходстве, которое "враг" может отнять. Этот способ опробован в современной России: определенной части людей, потерявшей свой социальный статус, социальные права и гарантии, внушили, что они-то и составляют прогрессивную часть общества, испытывающую временные трудности из-за козней "врагов", временной пробуксовки реформ и т.д. Именно отсюда проистекает такая высокая степень самоидентификации респондентов со "средним классом", которого в стране практически нет. Таким образом, возникает масса людей, которые воображают, что им есть что терять, так как их "новый" социальный статус несовместим, например, с лозунгами оппозиции, которые они трактуют либо по исторической памяти, либо так, как подсказывают монополизированные правящей группой СМИ.

Автор был свидетелем такого воздействия на сознание и поведение: пожилая просто одетая чета дачников в хозяйственном магазине при станции подсчитывала, хватит ли ей денег на покупку двух жестяных ведер. Аргументация была из области ирреального: в случае победы кандидата оппозиции и начала экспроприации у них останется хотя бы одно ведро, так как не все же будут забирать(!)¹.

Конечно, такое воздействие и такое настроение можно вызывать у маргиналов лишь на определенное время: можно добиться и осуждения акций протеста людей, годами не получающих зарплату, можно и выигрывать выборы. На наш взгляд, такую же акцию пытаются повторить и сегодня, например, в отношении парламента. Достаточно вспомнить навязчивую идею Г.Явлинского о том, что бедность — источник коммунизма. Но с большим основанием можно сказать, что либеральная революция в России постоянно генерирует коммунизм своим отношением к социальной политике. Кстати, эту черту отметил один из отцов-реформаторов Г.Попов: "Не расплатившись справедливо с гражданами за десятилетия их работы на социализм, российская ваучерная приватизация не создала *социальных гарантий* (подчеркнуто мной. — В.Д.) против прошлого"².

Однако следует отметить, что ни социальный распад, ни постоянное генерирование новой маргинализации отнюдь не означает угрозы реставрации. Маргинальной массой уже научились управлять, используя ее в своих интересах. Об этом свидетельствует опыт социального развития Латинской Америки. Но наличие такой массы диктует характерные черты политических режимов многих стран, балансирующих на грани автократии, режима личной власти или диктатуры. Таковы, видимо, политические последствия тех процессов социального распада в современной России, которые будут превалировать в развитии страны в ближайшей и среднесрочной перспективе. Тем более что следует ожидать обострения борьбы в правящей и господствующей элитах за лидирующие позиции в сформированном режиме. Именно с этой точки зрения сохранение маргинальной массы становится необходимым условием сохранения и самой социально-экономической и политической системы. А эта масса востребует: впереди очередные парламентские и, возможно, президентские выборы³.

---

¹ Прекрасный материал на тему этих технологий собран в кн.: От Ельцина к... Ельцину. Президентская гонка—96. М., 1997. И его еще ждет серьезный анализ.

² Независимая газета. 1998. 29 янв.

³ Почти одновременно с отказом участвовать в президентских выборах 2000 г. Б.Н.Ельцин официально поддержал деятельность межрегиональной общественной организации "Совет доверенных лиц Президента РФ на выборах 1996 г. — "Гражданское согласие". Независимая газета. 1998. 30 янв.